

День, два — цветы на горе распускались и увядали, и вот в мгновение ока снова настало время, близкое к зимней спячке.

Бай Лин редко выходила наружу, а даже когда выходила, не позволяла мне следовать за ней. Я и вправду была похожа на маленькую собачку, которая каждый день преданно ждет возвращения хозяина у входа в пещеру. Она тоже редко разговаривала со мной, не расспрашивала о моем прошлом и не интересовалась моим происхождением. Все сводилось разве что к одной фразе: Я уйду ненадолго, жди меня здесь, никуда не смей уходить!

Я всегда трепетала перед ее Божественной Силой, мне казалось, что ей ведомо каждое мое движение. Поэтому даже когда ее не было рядом, я не смела отходить далеко, смертельно боясь, что она поймает меня на склонности к баловству, а потом возьмет да и выбросит куда-нибудь.

Проводя дни и ночи на Горе Сюйу, я непрерывно думала о том, было ли ошибкой так отчаянно увязываться за ней с самого начала. Казалось, я просто сменила место, но продолжила жить точно так же, ничего не меняя.

Приближалась зимняя спячка, и я повсюду искала у входа в пещеру хорошее местечко для ночлега. Бай Лин снова ушла из дома; обычно каждый ее уход затягивался на полмесяца, но на этот раз она вернулась очень быстро. Прошло всего два-три дня, как я снова увидела ее изящную, стройную фигуру — до чего же она была прекрасна!

Бай Лин бросила передо мной тушу оленя:

— Ты ведь скоро впадешь в спячку, поскорей поешь и готовься.

— А как же ты? Разве ты не впадаешь в спячку?

— Когда достигаешь моего уровня культивации, в этом, естественно, нет нужды.

— Я еще не нашла пещеру для спячки, — жалобно протянула я.

— Ну до чего же ты никчемная, сколько ты уже культивируешь? — она наконец-то спросила обо мне.

— Шестьсот лет, когда этот год пройдет, будет уже шестьсот один! — я немного гордилась этим. В конце концов, с моими способностями мне удалось благополучно прожить эти шестьсот лет, так что у меня и правда были поводы для гордости.

— Шестьсот лет, а ты ничему не научилась и просто сидела на месте своего рождения, не сдвинув и задницы?

Да откуда у меня вообще какая-то задница? Я молча проглотила это.

— Этой зимой поспишь в моей пещере, а следующей весной я кое-чему тебя научу.

Мое маленькое сердечко снова растрогалось, и из глаз хлынули слезы. В прошлый раз я плакала разве что над историей о Бай Сучжэнь, которую пели на театральной сцене.

Я торопливо расправилась с оленем и, пухленькая и неуклюжая, втиснулась в пещеру.

Бай Лин бросила взгляд на угол у входа, жестом веля мне свернуться кольцами там.

Пусть меня перенесли всего лишь чуть глубже внутрь от самого входа в пещеру, я была безумно счастлива и долго не могла уснуть.

Это страстное воодушевление заставляло температуру моего тела долго не падать. Я крепко зажмурилась, погрузившись в полусонное состояние, но так по-настоящему и не заснула.

Сквозь полусон я слышала чей-то голос:

— Откуда ты подобрала такую Маленькую Черную Змейку?

— Подобрала по пути, когда выходила совершенствоваться.

— Чешуя у нее довольно симпатичная, черная, но при этом даже изящная.

Когда я очнулась снова, горные склоны уже пестрели цветами. Первым чувством после пробуждения было то, что я безумно голодна!

Открыв глаза, я еще не успела привыкнуть к яркому дневному свету и видела не слишком четко. Подумав, что сестры нет в пещере, я, когда зрение наконец прояснилось, увидела, что в пещере неожиданно находится какая-то красавица! Я впервые видел столь прекрасного человека. В изгибе её бровей и уголках губ словно таилось множество историй, так и манящих разгадать их. Если бы героиня старинных преданий Бай Сучжэнь ожила, она, наверное, выглядела бы именно так. Я долго смотрел на неё, не переставая высушивать раздвоенный язык, как вдруг она заговорила:

— Что? За шестьсот лет жизнь уже надоела?

Этот голос и эта интонация — это определенно была Бай Лин.

Она и впрямь оказалась столь же изящной и благородной, даже превратившись в человека. Я безумно обрадовался и, потеряв голову от счастья, принялся кружить вокруг неё.

Она протянула руку, обездвижив меня, окинула взглядом с ног до головы и легким

заклинанием превратила в маленького мальчика. Её взгляд неторопливо скользнул с моей макушки до самых пят, а затем она легко коснулась пальцем моего лба и сняла заклятие. Я испытывала живой интерес к этому новому обличью, но, поскольку всё происходило впервые, стоило ей ослабить поддержку, как я тут же рухнула на землю. Потешаясь над этим странным ощущением, я сидела на полу и заливисто хихикала. Потрогав свои нос, глаза и рот, я подалась к ней ближе:

— Сестрица, неужели я теперь такая же красивая, как ты?

В её глазах мелькнула улыбка:

— Учитывая твой срок практики, ты давным-давно должна была научиться принимать человеческий облик. Но твоя ступень культивации до того ничтожна... Я пока сама преобразила тебя, привыкай понемногу, а после усердно занимайся под моим началом.

За сегодняшний день я хочу, чтобы ты в совершенстве овладела ходьбой и бегом, а вечером я приму экзамен.

Я передвигалась по земле на четвереньках, никак не осмеливаясь подняться на ноги. Кое-как доковыляв до входа в пещеру, я прислонилась к стене, чтобы попробовать встать. Подошла Бай Лин, взяла меня за руку и стала показывать, как нужно делать шаги и взмахивать руками. Она провела меня вглубь пещеры, а затем отпустила руку — я потеряла равновесие и чуть не упала. Но всё же замерла на месте, хоть тело её и дрожало от каждого движения. Её позабавил мой вид, и пара смеющихся глаз едва не утащила мою душу вслед за собой.

Хотя я ленился по природе, к счастью, одарённостью меня не обделили, и всего за несколько дней я привык к человеческому облику.

Поскольку ходить на двух ногах казалось мне невероятно увлекательным, я целыми днями напролёт носился по лесу. Ветер свистел в волосах и трепал руки, ласковое солнце согревало тело, и впервые в жизни я ощутил настоящий смысл бытия.

Бешеный бег приносил радость, но вместе с тем награждал меня ссадинами от бесчисленных камней. Поначалу я даже не чувствовал боли, и лишь когда примчался в пещеру похвастаться перед Бай Лин, увидел в её глазах, что мои ступни были сплошь покрыты кровью.

Впрочем, в этом таилась своя особая сладость: Бай Лин непременно доставала из своего шкатулка какую-то зелёную прохладную мазь и аккуратно смазывала мне раны.

— Погляжу, за эти дни ты неплохо освоился, — произнесла она как-то. — Завтра я возьму тебя с собой к подножию горы.

Затем она поинтересовалась, есть ли у меня имя. Я покачал головой, и на её лице отразилось удивление:

— Разве мать не дала тебе имени? Как же она звала тебя повседневно?

Я немного подумал и послушно выложил ей всё о своём прошлом, пустом и чистом, словно белый лист бумаги. Она не стала меня упрекать, лишь на мгновение погрузилась в задумчивость.

— Как насчёт того, чтобы звать тебя Бай Уцин? — наконец произнесла она.

Я слегка растерялся, и она пояснила:

— Впервые я увидела тебя лежащим под утунским деревом. Ты только-только пробудился от зимней спячки, сонный и растерянный, совершенно не замечая приближающейся опасности. Я тогда спряталась неподалёку, чтобы посмотреть, как ты поступишь, но кто бы мог подумать, что ты решишь сбежать, не выдержав и первого удара. Я хочу, чтобы впредь, находясь рядом со мной, твоя голова всегда оставалась ясной. К тому же ты весь угольно-черный, и твоя чешуя, если присмотреться, хоть с виду и лишена блеска, но отливает изящным зеленоватым светом. Это созвучно с у и цин. Что скажешь?

<http://bllate.org/book/28185/3408321>